

Десятый месяц в Би-си, даже с наступлением октября, всё еще оставался жарким, как печь, заставляя любого, кто пройдет на улице хоть немного, покрыться потом, а спину — гореть.

Фэн Синюнь, закончив играть в баскетбол, вернулся в общежитие. Едва открыв дверь, он увидел своего соседа по комнате. Услышав звук открывающейся двери, тот как раз обернулся: черные зрачки с заостренными внутренними уголками глаз, приподнятые внешние уголки, миндалевидные глаза вытянутой формы — словно сошедшие с картины, они приковывали к себе всеобщее внимание.

В такую погоду он был одет в светло-серую рубашку, воротник которой был аккуратно застегнут на самую верхнюю пуговицу, а на шее красовался галстук в зелено-серебряных узорах — изысканный и роскошный, он надежно скрывал белые выступающие ключицы, создавая одновременно мягкий и строгий образ.

Даже зная, что внутри тот фальшив, корыстен и холоден, словно старые гниющие цветы, Фэн Синюнь все равно не мог не смотреть на его холодную, подобную драгоценностям и до предела прекрасную внешность. Он подсознательно уперся спиной в дверь и отступил на шаг.

Лю Дуаньхэ нахмурился, глядя на вспотевшего Фэн Синюня. Тот был с рюкзаком за плечами, в баскетбольной майке, из-под которой выпирали бугры рельефных мышц, вены на руках причудливо вились, мускулы были крепкими, и от него исходил мощный жар — стоило лишь бросить взгляд, и Лю Дуаньхэ уже чувствовал эту духоту.

Он разгладил брови и мягко улыбнулся:

— Ты сегодня снова ходил играть в баскетбол?

Не дожидаясь, пока Лю Дуаньхэ успеет высказать очередное предупреждение, Фэн Синюнь перебил его:

— Я сразу иду в ванную мыться.

Выражение лица Лю Дуаньхэ стало еще мягче:

— Хорошо, иди скорее.

Фэн Синюнь не хотел смотреть на фальшивую, подобную маске улыбку на его прекрасном лице. Быстро отыскав сменную одежду, он скрылся в ванной.

Улыбка постепенно сошла с лица Лю Дуаньхэ, он опустил взгляд и продолжил читать задания. Только оставаясь в одиночестве, он позволял себе сбросить всю эту напускную мягкость, которая ему уже смертельно надоела, но стала привычной. Их общежитие выходило на солнечную сторону. Утренний свет легко падал внутрь, окрашивая растрёпанные чёрные пряди в золотистый отблеск. В лучах солнца его глубокие, утончённые черты лица казались размытыми и сказочными, вот только эту прекрасную картину видел лишь один человек, да и

тот сейчас оставался без зрителей.

Звукоизоляция в общежитии была отвратительной. Даже при закрытой двери отчётливо доносился шум воды из ванной. Лю Дуаньхэ сидел за столом: одновременно предвкушая материал по своей специальности и мысленно прокручивая в голове, до какой стадии дошёл Фэн Синюнь.

Спустя десять минут журчание воды затихло, сменившись шуршанием одежды. Не прекращая размышлений, Лю Дуаньхэ выводил на бумаге формулы, опираясь на теоретические выкладки.

— Клик.

Дверь ванной открылась, и по комнате распространился свежий мятный аромат влаги. Фэн Синюнь прошёл у него за спиной.

Лю Дуаньхэ надел колпачок на ручку, аккуратно положил чёрную гелевую ручку в подставку и, постучав тонкими белыми пальцами по деревянной столешнице, окликнул Фэн Синюня.

Судя по его наблюдениям, Фэн Синюнь обладал характером избалованного молодого господина, который даже не поднимет упавшую бутылку соевого соуса, если та разобьётся прямо у него на глазах, поэтому, как только тот вышел...

На лице Лю Дуаньхэ заиграла улыбка, и он с чувством долга напомнил:

— Ты вытер воду на полу в ванной?

Хотя он и считал свой тон достаточно мягким, учитывая странный нрав этого барчука, всякий раз напоминая о чём-то, Лю Дуаньхэ старался делать голос ещё ласковее — примерно так, как разговаривал с маленьким племянником своего двоюродного брата.

Фэн Синюнь перевёл внимание на его улыбку. Взгляд скользнул с тоник, выдающих каждую косточку пальцев на его лицо, а резкие брови чуть приподнялись.

Всё та же банальная, неизменная улыбка.

Он до смерти ненавидел фальшивую манеру Лю Дуаньхэ, его одинаково мягкое отношение ко всем вокруг, словно в мире не существовало ничего способного вывести того из себя.

Даже если Лю Дуаньхэ уже терпеть его не мог, он всё равно продолжал улыбаться, сюсюкать и разговаривать с ним. Он даже того парня из соседнего корпуса, который докучал своими неуклюжими ухаживаниями, смог с улыбкой спровадить! Разве это не значит давать человеку надежду и держать его в запасниках?

Фэн Синюнь ничего не ответил. Молча бросив вещи, он вернулся в ванную, захлопнул дверь и, снедаемый ни с того ни с сего вспыхнувшей злостью, принялся убирать воду.

Вообще-то, когда он впервые увидел Лю Дуаньхэ в общежитии, его ослепило настолько, что он застыл на месте, и даже устои его натуральной сексуальности затрещали по швам.

Дело было вовсе не в том, что он отличался поверхностным вкусом и никогда не видел красавцев — просто Лю Дуаньхэ был чертовски хорош собой.

Ему довелось побывать на множестве роскошных вечеринок, где ради оживления атмосферы приглашали знаменитостей и певцов. На день рождения кузины она выписала целый мужской поп-коллектив, рекламируемый как группа с божественными лицами, и вывалила за это больше десятка миллионов. Парни и правда были хороши, хотя Фэн Синюнь тогда думал, что они уступают ему самому разве что чуть-чуть.

Но рядом с Лю Дуаньхэ все они казались какими-то ущербными: глаза не такие яркие, нос недостаточно прямой, рот слишком мал или нос слишком велик, кожа тусклая, лишенная белизны и сияния, губы блеклые. У любого можно было найти целый ворох недостатков.

Стоило Лю Дуаньхэ встать среди толпы для сравнения, как начиналась поистине жуткая картина — он возвышался над остальными подобно гордому дикому журавлю среди стаи кур.

Кожа бела так, что казалось, будто она светится; чёрные глаза сияли, словно звёзды; густые и длинные брови напоминали изящный мазок туши; нос отличался благородной формой, а пухлые красные губы неизменно приковывали взгляды всех этих безумных поклонников и поклонниц.

Чем больше Фэн Синюнь размышлял об этом, тем сильнее злился, и лицо его холодело. Надраив ванную до такого блеска, что кафель отражал свет, он ополоснул швабру и вышел на середину комнаты, чтобы вымыть пол во всём общежитии — да так тщательно, что трижды прошёлся туда и обратно. Лишь когда в плитке, словно в зеркале, стало полностью отражаться его лицо, Фэн Синюнь с чувством глубокого удовлетворения снова сполоснул швабру и водворил её на место на балкон.

Лю Дуаньхэ сидел за стулом и с удивлением наблюдал, как сосед выскочил из ванной и принялся без продыха драить комнату. Не понимая, какая муха его укусила, он, несмотря на лёгкое нежелание общаться, всё же осыпал парня похвалой:

— Хоть сегодня по графику убираться должен Чжао Хао, но ты просто молодец.

Если перед полуденным отдыхом, после того как он сам сходит в душ, пол придётся вымыть ещё раз... что ж, чем больше уборок, тем приятнее было на душе у Лю Дуаньхэ.

Обычно он старался сдерживаться, щадя привычки соседа, у которого отсутствовала его собственная мания чистоты. Как правило, назначенный на дежурство мыл полы вечером, сам Лю Дуаньхэ наводил порядок утром перед занятиями и ещё раз — в обед, после душа.

Мысленно он испытал редкое чувство облегчения: пусть у Фэн Синюня и водилось немало бзиков, но он всё же умел слушать и делать правильные выводы из чужих слов.

Лю Дуаньхэ решил немного поднять Фэн Синюня в своих глазах из отрицательной зоны. Пусть тот вечно заявлялся в комнату после тренировок или прочих занятий потный и липкий, до часу-двух ночи пялился в телефон с горящим экраном, играя в игры, да ещё и ворочался во сне так, что от его центнерового веса скрипела их общая двухъярусная кровать, нарушая и без того чуткий сон Лю Дуаньхэ — но по крайней мере у Фэн Синюня имелась хоть какая-то сознательность.

Он даже носки и трусы стирал сразу же после душа в тот же день, так что его вполне можно было назвать чистюлей, в отличие от двух других соседей, которые вечно норовили накопить целый таз грязного белья и ждали, пока Лю Дуаньхэ не выйдет из себя и не заставит их заняться стиркой.

<http://bllate.org/book/25568/3049949>